

Ольга Козоровицкая

«Найти единственно правильный выход из этого положения я не смог»

С фотографии, присланной по интернету, на меня смотрел совсем маленький шоколадного цвета мальчик. Как написала в письме его мать Сари, мальчику исполнилось уже шесть месяцев, его зовут Оскар, и его отец довольно известный темнокожий рок-музыкант.

Когда через несколько минут мой мозг это все переварил, он смог выдать только одну банальную мысль: «Жизнь бывает намного интереснее и закрученнее, чем любой мексиканский или голливудский сериал».

А закручиваться весь сюжет начал во время Второй мировой войны, и в центре его был мой отчим, которого я всю жизнь называла папой, Евгений. В детстве я очень спокойно относилась к тому, что у меня два папы: и родной не забывал, женатый уже давно на другой женщине, и второй папа рядом, женившийся на моей маме, когда мне было два года. Мама родила во втором браке сына, моего брата, и жила вся наша семья в старом доме на Молдаванке.

В ранние школьные годы я уже знала, что папа Женя отбывал наказание в сталинских лагерях, от детей в семье это не скрывалось. Мы с братом знали, что он ушел на фронт после десятого класса в 1941 году, был дважды ранен, контужен, лечился в госпиталях, дошел до Германии и еще пару лет служил в оккупационных войсках. Сам же при нас ни о войне, ни о лагерях никогда ничего не рассказывал.

Папа хорошо знал немецкий язык еще и потому, что до войны жил с семьей в немецкой колонии Зельц (сейчас село Лиманское

Раздельнянского района Одесской области), учился в школе, где девяносто процентов учеников были немцами. Там он и познакомился с моей мамой – молоденькой учительницей русского языка и литературы, получившей в 1940 году направление на работу в Зельц после окончания одесского педина. Она была старше отца на три года.

За какое преступление он попал в лагерь, мы с братом не знали. Как выяснилось позже, мама этого тоже не знала. По его письмам маме из лагерей, а переписываться они начали с 1944 года, и мама сохранила также все его письма с фронта и послевоенные из Германии, было ясно, что лагерное начальство считает его политически неблагонадежным. Но почему и за что?

Ни в одном письме папа про это не пишет. Иногда проскальзывает, что он совершил какую-то ошибку, за которую расплачивается. Его тайну знали только две его родные сестры, по-прежнему жившие в селе Зельц, переименованном в Лиманское, но они не собирались делиться ею с мамой.

Как хорошо, что тогда было принято в начале письма указывать не только дату, но и место его написания. По этим указаниям можно проследить маршруты его лагерей: Хабаровский край, город Магадан, поселок Сусуман (тогда Магадан входил в Хабаровский край); Хабаровский край, город Магадан, поселок Будугучан; город Заярск (Иркутская область); город Братск (Иркутская область).

Почти все письма сохранились без конвертов, а на нескольких уцелевших стоит штамп: «Просмотрено цензурой». В одном из писем папа пишет: «Писать могу два раза в год, получать письма в неограниченном количестве». Но тогда откуда такое количество писем, явно не соответствующих норме? А пишет он и маме, и своей семье.

Ответ нахожу в письме 1950 года, где он пишет, что ни в коем случае мама не должна упоминать, что получила от него письмо. Военный цензор допытывался из-за этого, каким образом и через кого он отправляет письма, грозил лишить его права переписки, если он будет отправлять письма, минуя лагерь. «Таких цензоров немало заключенных поубивали в лагерях. Из-за того, что существует разрешение только на два письма в год, приходится прибегать к посторонней помощи с воли», – пишет папа.

Не могу не привести до-словно еще такие его строки: «Я могу писать тебе все, потому что мои письма минуют руки чекиста, а твои письма попадают в ихние грязные лапы. Но черт с ними, время придет, и их спросят, и они заплачут, завоют, как волки. Их заставят ответить, сколько они погубили невинных солдат. Ведь из тех, кто сидит в лагерях, восемьдесят процентов – это абсолютно невинные люди».

Вообще, в свои тридцать с небольшим он оказался очень здравомыслящим человеком, в лагерях много читал, всегда просил присылать ему книги, занимался спортом, что, вероятно, помогало ему выживать морально и физически при

морозах до минус шестидесяти шести градусов (на работу зимой не выводили при минус сорока одном). В Братске при морозе минус пятьдесят шесть слегка обморозил нос, щеки и ноги.

После смерти Сталина в лагерях положение заключенных стало меняться в лучшую сторону. В лагере под Сусуманом, где папа добывал золото, у него разболелись зубы. И вот в апреле 1953 года (через месяц после смерти Сталина) его одного под честное слово отпустили на прииск на двое суток к больницу, почти как в фильме Э. Рязанова «Вокзал для двоих». За двое суток он не только удалил больные зубы, но и попал в клуб, кино и вернулся в лагерь.

Про нравы на Колыме и дикость местного населения он писал очень много.

В мае 1954 года папа пишет: «Сейчас жить стало мне легче, да и не только мне, а всем таким, как я. Начали обращать внимание и на нас. Ты не можешь себе представить, какие были произволы

На Колыме

на Колыме до 1952 г. Таких ужасов не знал ни Майданек, ни Освенцим, ни Дахау. Причем произвольщиками были представители партии и правительства. Сейчас принялись за них, судят, дают по двадцать пять лет и бросают в лагерь. Но в лагере они не живут долго. Им мстят. Ведь связь среди заключенных работает безупречно».

И хотя из заработка заключенных по-прежнему высчитывали за помещение, за свет, за отопление, обслуживание, одежду, обувь и питание, оставляя копейки, они уже чувствовали некое послабление режима (читаешь про эти циничные вычеты и думаешь, как же замечательно была продумана система ГУЛага на полном хозрасчете).

Долбя гранит, чтобы построить через Ангару мост, который до сих пор там стоит, добывая в шахтах урановую руду, а на приисках – золото, заключенные получали копейки.

«Только одна Колыма дает чистого золота более сотни тонн в году, только благодаря ему наша страна могла бы жить больше, чем в достатке, ни одно государство не могло бы в состоянии с нами сравниться. Этого нашему народу не дают. Что же это такое? Кто виноват? Это все решится и довольно скоро», – писал отец в феврале 1954 года. В конце письма постскриптом: «Прочтя – сожги». Но мама его не сожгла.

Надежда на освобождение у него зародилась после письма на его обращение К.Е. Ворошилова, который ответил, что ознакомился с его делом, в настоящее время проводит сверку, то есть будет пересматривать все ступени его службы в армии вплоть до ареста. «Этого я, конечно, не боюсь, да и вообще, моя совесть не имеет угрызений ни перед кем», – пишет папа.

В 1949 году к нему в лагерь, преодолев тысячи километров, приехала старшая сестра Люся, которой вначале отказали в свиданиях. Но сестра имела боевой характер и все-таки их добилась. Секретов между ними не было, и она точно знала, за что ее брат был осужден и попал в лагерь. Видимо, она тоже хлопотала за брата и писала обращения, потому что он в одном из писем к ней отвечает на поставленные ею вопросы:

- «1. В плену, окружении не был.
2. Ранее не судим.
3. Был на английской зоне оккупации в 1947 году».

Уезжая, сестра бросила из поезда на платформу свой платочек, папа подобрал его. «Прошло уже шесть месяцев, а он еще до сих пор сохраняет запах духов».

Очевидно, в освобождении папы из заключения сыграли роль все факторы: и обращения, и смерть Сталина, и пересмотр его дела.

В результате 28 июня 1955 года Сусуманский отдел милиции Магаданской области отцу, «1921 года рождения, уроженцу г. Осипенко (Бердянск), украинцу, осужденному Военным трибуналом 3-й Украинской армии 12 августа 1947 года по ст. 58-1 «б» УК РСФСР к лишению свободы на 25 лет с поражением в правах на 5 лет», была выдана справка о том, что он отбывал наказание в местах заключения по 28 июня 1955 года и определением Военного трибунала Бакинского округа ПВО от 6 июня 1955 года приговор изменен, срок наказания снижен до 5 лет без поражения в правах и даже в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.1953 года со снятием судимости.

Пересидев в заключении как минимум три года и получив денежное пособие в виде проездных до Магадана, бывший заключенный может следовать к избранному месту жительства. Через четырнадцать лет он возвращается в любимую Украину к своей семье и женится на моей маме.

Справка Сусуманской милиции приоткрывает завесу и формально отвечает на вопрос: за что человек был лишен свободы на двадцать пять лет?

Печально известная статья 58-1 УК РСФСР политическая. Ее пункт «б» – это измена Родине, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, совершенные военнослужащим. Мера уголовного наказания – расстрел с конфискацией всего имущества.

Что же из этого перечня совершил папа, советский офицер, и почему его не расстреляли? Я никогда этого не узнаю и не прочитаю его приговор. Если его уголовное дело еще сохранилось, то лежит оно где-то в архивах КГБ в России.

Но судя по тому, что я узнала через много лет, ему могли вменить любое деяние из этой статьи, а может, и сразу несколько.

Евгений и Заара с Петером

В 1960-х годах к нам по почте на дом стали приходить поздравительные открытки из Финляндии с изображением Санта-Клауса и рождественской атрибутики. Как правило, они приходили к Новому году или католическому Рождеству. У папы как раз день рождения приходился на католическое Рождество.

Как он объяснял маме появление этих открыток, я точно не знаю, приблизительно так, что это ему пишет женщина, с которой он познакомился во время войны или вскоре после нее.

Все открытки были на немецком языке, и для нас было понятно, что это никакая не советская гражданка. Не мог истинно советский гражданин оказаться после войны за границей, в совсем недавно вражеской Финляндии, напавшей в 1939 году на Советский Союз. Да еще потом получать оттуда письма на немецком языке.

Мы с братом тогда были школьниками и любопытства к теме открыток не проявили, зато через несколько лет интерес к ним проявила наша мама, но об этом мы узнали много позже. Пользуясь немецко-русским словарем, она перевела текст нескольких открыток и поняла, что отношения между ее мужем и финской отправительницей были очень близкие и что у них есть общий ребенок – сын Петер, от которого она постоянно передавала приветы.

Я хорошо помню, как папа еще до этого однажды показал мне фото симпатичного молодого человека и спросил, кто это может быть, по моему мнению. Я ответила, что это, наверное, он, только в молодости. Он был так доволен моим ответом, как будто его ожидал.

Конечно, маме была нанесена большая душевная травма. Мы ничего не знали, ни о чем несколько лет не догадывались. Она умерла в 1979 году и никогда мне о своей обиде на отца

не рассказывала – видимо, не хотела, чтобы дети об этом знали.

Сейчас, с нынешней точки зрения, думаешь: ну что тут такого страшного? Это же все было до того, как они поженились, мама тоже уже имела ребенка от первого брака. Наверное, тяжело было осознать, что муж ее обманывал и скрывал правду долгие годы. Если бы он ей честно все рассказал после возвращения из заключения, она бы его поняла. Прощать ей было нечего, никаких обещаний и клятв друг другу они до войны не давали.

Папа пережил ее на семь лет и умер в 1986 году. После его смерти я нашла множество фотографий его сына Петера, мамы Петера Заары, а также документов, из которых можно было узнать о его осуждении трибуналом и о причинах этого.

Лучше всего он сам пишет об этом в письме на имя генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в 1975 году. Черновик этого письма в его бумагах сохранился. Папа очень хотел вернуть все свои заработанные кровью на фронте ордена, которые после снятия судимости ему не вернули, и это было главной целью письма Брежневу.

И тут же он объясняет причины судимости: «Проходя службу в полку, дислоцировавшемся в г. Бланкенбург (со слов папы, он был некоторое время его комендантом), я познакомился с девушкой из Финляндии Заарой М. Мне было 24 года, ей 19 лет. Мы полюбили друг друга. В ноябре месяце 1946 года у нас родился ребенок. Она одна, кроме меня, у нее нет никого. В то время

Евгений. Германия, 1946 или 1947 г.

мне не было разрешено жениться на ней, хотя сама она и очень хотела принять советское гражданство. Я не знал, где найти выход. Я не имел права бросить их на произвол судьбы, я был растерян. Найти единственно правильный выход из этого положения я не смог, и вот на языке криминалистов я совершил преступление. Девушка сейчас уже зрелая женщина, сумела выехать в Финляндию в город К., где она работает по нынешний день в школе. Вырастила и воспитала сына. Мы уже пожилые люди, все осталось только тяжелым воспоминанием».

В 1975 году отец был полностью реабилитирован, ордена ему действительно стали возвращать, вернули почти все. Но как вернуть лучшие восемь лет в жизни мужчины? А они могли обернуться двадцатью пятью годами.

Что же было написано в его приговоре: изменил родине, сожительствова с иностранкой; передал вражеской Финляндии тайные сведения или выдал ей через иностранку государственную тайну; пытался бежать с сожительницей-иностранкой и ребенком за границу?

Иногда думаешь: да лучше бы они бежали в другую оккупационную зону, это и был единственный выход. Но знаю, что папа так никогда не поступил бы.

Через много лет моя двоюродная сестра, знавшая многие подробности, рассказала мне, что папа все-таки познакомился с Петером и виделся с ним в Артеке. Заара купила сыну путевку в международный пионерский лагерь, и папа выехал туда, будучи в отпуске. Артек не произвел на Петера впечатления, как и вся окружающая обстановка, хотя они с матерью жили в Финляндии, по их меркам, скромно. «Неужели за это все ты сражался?» – спросил он отца.

О смерти папы в 1986 году мне очень хотелось как-то сообщить Зааре и Петеру. Я знала, что они переехали в Австралию, Петер женился, у него уже было двое маленьких детей – сын Майкл и дочь Сари. Их фотографии я нашла в архиве папы. Их австралийский адрес был у папы в блокноте, но я не знала, дойдет ли письмо из СССР до Австралии. У меня на работе женщина уезжала в заграничное турне, и я дала ей свое письмо, переведенное на английский язык, – она обещала отправить его из-за границы.

Петер. 1960-е годы

Но никакого ответа я на него не получила, и надежда найти папину финскую семью отодвинулась на долгие годы.

Наконец мы дожили до появления интернета, покупки компьютера, и я попросила своего одноклассника, жившего в Австралии и хорошо знавшего английский язык, попробовать найти сына или других родственников папы в интернете.

Мою просьбу он быстро выполнил и написал, что нашел в сети Майкла, папиного внука. Пришлось мне его поэксплуатировать: я писала тексты на русском языке, прилагала к ним фотографии, чтобы

Майкл не подумал, что я и брат какие-то мошенники, а мой одноклассник делал перевод и отправлял Майклу.

Потом отозвалась папина внучка Сари. Она вернулась из Австралии на родину – в Финляндию. Из их писем я поняла, что все это им очень интересно, и они поражены историей своего деда. К сожалению, и Заары, и Петера уже не было в живых. Петер вообще ушел очень рано из-за тяжелой болезни.

Оба внука папы связали свою жизнь с рок-музыкой. Майкл играет на гитаре в каком-то ансамбле, но это его увлечение: параллельно он еще всегда где-то работает. У него очень симпатичная жена и двое детей – мальчик и девочка, папины правнуки. Сари была продюсером темнокожего рок-музыканта, вышла за него замуж, родила очаровательную «шоколадку» – Оскара, папиного правнука.

Сейчас мы не переписываемся, но я очень рада, что нашла их и слежу за ними и их детьми в Фейсбуке. Какие красивые у папы правнуки – белокожие и светловолосые в Австралии,

темнокожий и темноволосый в Финляндии! Да и здесь, в Одессе, у него три внука и один правнук.

Но когда я вглядываюсь в лица заграничных правнуков, всегда думаю, как хорошо, что они не представляют, какую цену заплатил их прадедушка за рождение их дедушки Петера. Они, наверное, и не поняли бы, как такое могло случиться, и в какой стране дают наказание двадцать пять лет лишения свободы за рождение ребенка от иностранки.

И хорошо, что из-за сталинского послевоенного запрета на браки с иностранцами Заара не въехала в СССР и не получила советское гражданство. Она имела бы все основания попасть в женский лагерь, а Петера отправили бы в детский дом.

История папы дала мне хорошую прививку на всю будущую жизнь: у меня стойкий иммунитет в отношении ностальгии по «счастливой» жизни в СССР, мороженого за двадцать копеек и колбасы за два двадцать. Недавний митинг в Великих Луках по поводу открытия памятника Сталину еще раз показал всю шизофрению тамошнего общества. Оно неизлечимо и обладает очень короткой исторической памятью. Общество «Мемориал» в России признано иностранным агентом. Фильм Ю. Дудя о Колыме явился для многих россиян открытием. Эта страна сейчас полностью подтверждает высказывание американского философа и поэта Джорджа Сантаяна: «Тот, кто не помнит своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его вновь». И к этому мне добавить больше нечего.

